

«УТВЕРЖДАЮ»

Проректор — начальник Управления
научной политики

и организации научных исследований
МГУ имени М.В. Ломоносова

доктор физико-математических наук,

профессор РАН, профессор

А.А. Федянин



» сентябрь 2018 г.

ОТЗЫВ ВЕДУЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ

федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова» на диссертацию Ивановой Раисы Алексеевны на тему «Концептуальная структура исследований коммуникации», представленную на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.13 – Философская антропология, философия культуры

Диссертационное исследование Р.А. Ивановой посвящено очень популярной, как минимум, с середины XX столетия, но вплоть до настоящего времени не получившей более-менее общепринятого решения проблеме концептуализации коммуникации и методологии ее исследования. Представленный в работе авторский подход к этой проблеме предполагает «анализ ландшафта коммуникативных исследований» (с.134) с целью извлечения присутствующих, предположительно, в этом ландшафте инвариантных компонентов и универсальной структуры существования предмета (если не онтологической, то, по крайней мере, эпистемологической, т.е. характеризующей способ извлечения и воспроизводства знания об искомом предмете).

Таким образом, автор диссертации берет в качестве предмета коммуникацию второго порядка – форму представления коммуникации как предмета исследования в академических инструментах коммуникации (научных и философских публикациях), – и исходит из априорного единства

предметной ориентации «высказываний» о «коммуникации» (концептов, используемых для работы с этим предметом) и совпадения (в конечном счете) «коммуникации» как концепта в специализированной литературе и как некоторой лежащей за пределами этой литературы реальности.

Как отмечает автор, невзирая на масштабный интерес к проблеме, «в области исследований коммуникации сложно обнаружить общий порядок, а методологический потенциал междисциплинарного подхода, объединяющего гуманитарный и естественнонаучный, здесь, по нашему мнению, используется недостаточно», в связи с чем «назрела необходимость рассмотрения коммуникации в качестве культурно-антропологической универсалии», в широком интегративном междисциплинарном контексте, поскольку коммуникативный модус существования человека относится к числу «основных» (с.4-5). Собственной задачей на этом пути автор видит своего рода низкоуровневый методологический анализ дискурсивного поля, образованного различными концептами коммуникации, или, говоря словами самой Р.А. Ивановой, извлечение «концептуальных интуиций», фиксацию удерживающей их в рамках предметного единства структуры («упорядочивающие понятийные «узлы»») и оценку «коммуникативной полноты» реконструированного многообразия (с.6; ср. с формулировкой задач диссертации на с.11).

Поставленная цель представляется интересной, амбициозной и весьма актуальной с учетом положения дел в области «теории коммуникации», вплоть до настоящего времени остающейся несостоявшимся проектом, несмотря на заслуживающие уважения усилия таких исследователей, как удачно привлеченный Р.А. Ивановой в качестве одного из основных источников Р.Т. Крейг.

Для своего исследования Р.А. Иванова привлекает внушительный набор источников (146 библиографических позиций, в том числе 42 на английском языке; большинство источников диссертации - монографии), относительно репрезентативно описывающих предметную область

исследования. При этом автор диссертации демонстрирует хорошую ориентацию в используемых источниках, включая как владение концептуальным инструментарием цитируемых авторов, так и смелое и, местами, наблюдательное обнаружение потенциальных «зон обмена» между очевидным образом не связанными между собой концепциями (примером может служить авторская классификация направлений исследования коммуникации, представленная уже во Введении при характеристике степени разработанности проблемы (с.7-8)).

Работа имеет удачную, хорошо продуманную композицию, четко отвечающую поставленным задачам. Автор последовательно движется от аналитического обзора антропологического контекста исследований коммуникации и экспликации селективных принципов собственной методологической модели через выявление «предпосылок», «условий» и «сущностных признаков» коммуникации к ключевому для Р.А. Ивановой авторскому концепту «коммуникативной полноты», выступающему, одновременно, как средством обоснования универсальной модели коммуникации, так и критерием для коммуникативной прагматики.

В первой главе, в полтора раза превышающей по объему каждую из двух других, автор пытается эксплицировать специфику философско-антропологического исследования коммуникации, подчеркивая, что предметом исследования в данном случае являются не отдельные наблюдаемые аспекты и формы коммуникативного взаимодействия, а «устройство коммуникации как связи с другим, формирующей этих двоих, их очеловечивающей» (с.24). Во втором параграфе главы Р.А. Иванова излагает метод своего исследования, обосновывая принципы отбора как материала (конкретных работ, посвященных коммуникации), так и извлекаемых из этого материала «концептов», объединяемых далее в «понятийные узлы».

Во второй главе Р.А. Иванова реконструирует «имплицитную структуру коммуникативного процесса» (с.70), используя собственную трехуровневую модель этой структуры, включающую «предпосылки»

(необходимые условия, онтологически предшествующие акту коммуникации), «условия» (компоненты, необходимые непосредственно в ходе акта коммуникации) и «сущностные признаки» (характеристики, специфицирующие коммуникацию в ряду других событий). Автор демонстрирует, что используемые в рамках самых различных (как «специальных», так и «контекстуальных» (с.27), т.е. не рассматривающих коммуникацию в качестве основного предмета интереса) исследований концепты распределяются по вышеперечисленным трем уровням и сводимы к относительно компактному набору «понятийных узлов».

В третьей главе с опорой на представленный во второй главе анализ Р.А. Иванова развивает концепцию «полноты коммуникации», которая «определяется четырьмя параметрами: интенсивностью коммуникации, вовлеченностью, коммуникативной компетентностью и доверием» (с.142), а также дает развернутую классификацию ущербных («усеченных») форм коммуникации, различая их в зависимости от того, какие параметры полноты оказались деформированными.

В Заключении, которое отличается наибольшей ясностью, четкостью и аккуратностью изложения и заметно превосходит по этим характеристикам основные главы, автор подводит итоги исследования и резюмирует полученные результаты.

Рецензируемая диссертация представляет собой глубокое, интересное и самостоятельное научное исследование, основывающееся на творческой и добросовестной работе с обширным кругом источников. Р.А. Ивановой удалось предложить оригинальный подход к формированию предметности теории коммуникации и анализу существующих исследований, а также продемонстрировать работоспособность своего подхода на внушительном числе конкретных примеров (в работе проанализировано и классифицировано около 70 существующих в предметном поле концептов, отражающих «попытки понятийно отобразить процесс коммуникации» (с.134)). Таким образом, даже если считать значительную часть конкретных

выводов автора о тех или иных концептах и направлениях исследования коммуникации сомнительными, все равно следует признать важное значение методологической составляющей рецензируемой диссертации – результаты в области разработки метода конвергенции концептуальных решений отдельных направлений исследования коммуникации и конструирования предмета «теории коммуникации» (включая модель коммуникации и концепт «понятийных узлов»), безусловно, представляют научную ценность.

Вместе с тем, как и всякое масштабное и амбициозное исследование, диссертация Р.А. Ивановой не лишена ряда недостатков.

Во-первых, необходимо обратить внимание на то, что текст отличается феноменальным лексическим и фразеологическим богатством, которое автор не всегда уверенно контролирует. Это касается как возникающей в некоторых местах банальной терминологической путаницы (напр., «контекстуальные исследования количественно преобладают над контекстуальными» (с.30) – понятно, в что в одном из двух вхождений термина «контекстуальные» имеется в виду его антоним «специальные», но вот в каком, не совсем понятно, а это существенно для смысла предложения), так и обилия тяжеловесных эзотерических фраз, смысл которых едва ли поддается полноценному извлечению либо, наоборот, слишком тривиален для столь сложного выражения.

Напр., «Несмотря на свою полиаспектность, человек остается цельным явлением» (с.24) – вроде бы утверждается всего лишь тот факт, что проявления «человека» (не понятно, видовые или индивидуальные) многообразны, но написано так, будто речь идет о диковинном и малоизвестном существе, которое обладает предположительной «полиаспектной» целостностью, но никем никогда не видано целиком.

Второй пример, уже иного рода: «В то же время «коммуникация» является достаточно укоренившимся в социальных практиках концептом» (с.26). Кавычки при термине вроде бы говорят о том, что утверждение делается именно о понятии (концепте), в то время как «укоренение» в

«социальных практиках» подразумевает, что речь идет о коммуникации как процессе (материальном явлении). И не совсем понятно, как следует представлять «укоренение» «концепта» в «социальных практиках», разве что автор попросту смешал (перепутал) два разных объекта: коммуникацию как теоретический конструкт («концепт»), призванный зафиксировать инвариант соответствующего предметного поля, и коммуникацию как социальное событие.

Не меньше сложностей порождает и стремление автора «объять необъятное» и непременно охватить обобщающими суждениями и классификациями всех известных ему исследователей, существенным образом затрагивающих проблематику коммуникации. Помещение в один концептуальный ряд Т. Ван Дейка, Ж. Бодрийяра и П. Грайса, равно как и К. Шеннона с М. Маклюеном (с.7) представляется весьма сомнительным, а уже утверждение о том, что К. Левин «продолжает линию исследования» П. Лазарсфельда (с.29) является попросту ошибкой, как и приписывание В.А. Ядову, который был крупнейшим российским социологом, но никак не психологом, авторства «диспозиционной концепции в психологии» (с.102). Наконец, отдельного упоминания заслуживает превращение к середине первой главы американца Джорджа Лакоффа, который во Введении фигурирует как «Ж. Лакофф», в «Ж. Ла Коффа» (с.43 и далее).

Представляется, что более простой стиль письма и концептуальная сдержанность придали бы тексту ясности и избавили бы автора от массы коммуникативных проблем и содержательных вопросов. По счастью, подавляющее большинство такого рода недочетов не сказалось существенным образом на результатах диссертационного исследования.

Более существенной проблемой диссертации Р.А. Ивановой является имплицитный характер принципиальных для исследования авторских эпистемологических предпосылок, которые не предъявляются и не обсуждаются автором, хотя, во многом, определяют ход анализа и результаты. Автор диссертации стоит на позициях реализма и

универсализма, неявным образом предполагая, что все, кто пишет о коммуникации, имеют в виду, в конечном счете, один и тот же предмет, и что этот предмет принадлежит реальному миру, а не является сугубо теоретическим конструктом, существующим лишь в качестве элемента исследовательского дискурса.

Вне зависимости от того, разделяем мы эти предпосылки или нет, следует признать, что они влияют на ход исследования: «существующие описания не противоречат друг другу – они фокусируются на различных свойствах коммуникации» (с.26) и «сводимость нескольких, выглядящих терминологически различными, концептов к единому понятийному узлу указывает на тот факт, что исследователи преимущественно изучают одинаковый объект, однако опираются на различные категориальные основания, что приводит к понятийному разнообразию» (с.70). Автору кажется, что «сводимость» является результатом, однако на деле она носит априорный характер, потому что без предварительного допущения такого рода сводимости установить единство (принадлежность одному «понятийному узлу») двух лексически по-разному закрепленных концептов, принадлежащих разным исследовательским традициям, не представляется возможным.

Еще отчетливее нерелексивное допущение предметного и семантического единства знания демонстрирует рассуждение автора о теории речевых актов: «Речевой акт соотносится с коммуникативным актом примерно также, как механика Ньютона с теорией Эйнштейна: речевой акт функционирует в рамках коммуникативного акта как частный случай» (с.74). Такое характерное сравнение возможно, только если исходить из априорного предметного единства, в противном случае придется признать, что лексические и прочие различия между теориями предполагают различия в онтологиях (это в равной мере касается как «речевых актов» и «коммуникации», так и механик Эйнштейна и Ньютона, - последнее хорошо показал, напр., П. Фейерабенд).

Необходимо подчеркнуть, что допущение единства знания и реалистическая онтология сами по себе не являются недостатками исследования, однако ввиду их некритического принятия автор диссертации в ряде существенных положений путает «вывод» (строгую доказательную конструкцию) и «интуицию» (непосредственное беспредпосылочное усмотрение), как в рассмотренном выше примером со «сводимостью» разных концептов к одному «понятийному узлу».

Впрочем, все сделанные замечания не отменяют достоинств работы Р.А. Ивановой. Автореферат соответствует основному содержанию и положениям диссертации. Основные результаты диссертационного исследования Р.А. Ивановой опубликованы в пяти статьях в журналах, включенных в Перечень ВАК при Министерстве образования и науки Российской Федерации, а также в четырех статьях, опубликованных в прочих научных изданиях, что является достаточным с точки зрения требований к публикации результатов кандидатских диссертаций.

Диссертация «Концептуальная структура исследований коммуникации» полностью соответствует критериям, установленным п. 9, 10, 11, 13, 14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 № 842 (в ред. Постановлений Правительства РФ от 30.07.2014 № 723, от 21.04.2016 № 335). Автор диссертации – Иванова Раиса Алексеевна – заслуживает присуждения ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.13 – Философская антропология, философия культуры.

Отзыв подготовлен кандидатом философских наук (диссертация защищена по научной специальности 09.00.08 – философия науки и техники), доцентом кафедры философии и методологии науки философского факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» Вархотовым Тарасом Александровичем.

Отзыв обсужден и утвержден на заседании кафедры философии и методологии науки философского факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова» 6 сентября 2018 г., протокол № 1.

Заведующий кафедрой
философии и методологии науки
философского факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова,
доктор философских наук, профессор

Кузнецов
Валерий Григорьевич

Доцент кафедры философии
и методологии науки
философского факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова,
кандидат философских наук

Вархотов
Тарас Александрович

Текст отзыва на диссертацию Ивановой Р.А. согласован:

Заместитель декана
философского факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова
по научной работе,
кандидат философских наук, доцент



Козырев
Алексей Павлович

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова».

Адрес: 119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, д. 1, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Телефон: (495) 939-10-00. Факс: (495) 939-01-26.

Сайт: www.msu.ru. E-mail: info@rector.msu.ru.